віяхъ хлѣбопашенныхъ усадьба безъ полевой земли не составляетъ для крестьянина предмета желаній, не она привязываетъ его къ мѣсту, а земля, которую онъ привыкъ обрабатывать. Поставить крестьянамъ въ непремѣнную обязанность выкупить усадьбы противъ ихъ желанія, мы полагали этимъ стѣснить свободнаго человѣка"... Точно также проэктъ „семи" полагаетъ ненужнымъ надѣлъ крестьянамъ покосной земли. Составители этого проэкта, опредѣляя, подобно другимъ членамъ комитета возвращеніе, послѣ срочно-обязаннаго періода, всей надѣленной крестьянамъ земли, обратно помѣщикамъ говорятъ: „мы вѣруемъ безусловно словамъ Монарха, что помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю и желаемъ разсѣять сомнѣнія тѣхъ, которые думаютъ, что земля, разъ отведенная въ пользованіе крестьянамъ, не должна быть возвращена владѣльцу; ибо *не допускаемъ мысли*, чтобы правительство приняло столь тягостную для помѣщиковъ мѣру.

Согласно указанію правительства, проэктъ большинства курскаго комитета, а также и проэктъ „одиннадцати" къ числу дворовыхъ относятъ тѣхъ, которые по 10 народной переписи показаны дворовыми. Но проэктъ „семи" къ разряду дворовыхъ причисляетъ и нѣкоторыхъ крестьянъ, которые, по словамъ проэкта, давно живутъ на дворовомъ положеніи и хотя семейства ихъ записаны въ крестьянахъ, но сдѣлано это по невѣдѣнію владѣльцевъ. Среди другихъ особенностей проэкта „семи" надо отмѣтить: дарованіе весьма большой власти надъ крестьянскими обществами помѣщику.

Въ заключеніе проэкта „семи" составители его говорятъ: „*Отъ крестьянъ нѣтъ голоса*, который заявилъ бы ихъ нужды и желанія,—они только нѣмые свидѣтели готовящейся реформы. Считаясь, по закону, ходатаями крестьянъ и какъ люди практическіе, находящіеся въ безпрестанныхъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ ними, зная хорошо быть ихъ и требованія, мы полагаемъ, что вполнѣ откровеннымъ изложеніемъ мыслей нашихъ, мы можемъ принести пользу важному дѣлу. Небогато живутъ помѣщичьи крестьяне, особенно въ имѣніяхъ чисто хлѣбопашенныхъ, причина ихъ бѣдности въ томъ, что одно земледѣліе не доставляетъ избытка въ средствахъ ни крестьянину, ни самому помѣщику; благословитъ Господь урожаемъ, всѣ продукты дѣлаются дешевы; надобно продать весь хлѣбъ, чтобы пріобрѣсти достаточно денегъ для удовлетворенія всѣмъ жизненнымъ потребностямъ, отъ того не можетъ составиться большихъ запасовъ; на слѣдующій годъ случится неурожай—продать нечего, и крестьяне терпятъ нужду. Тогда только земледѣліе будетъ приносить выгоду, когда установится постоянная средняя цѣна на хлѣбъ, когда будутъ пути для сбыта произведеній земли въ мѣста потребности. Кромѣ того съ дарованіемъ крестьянамъ свободы со всѣми гражданскими правами должна въ крестьянахъ пробудиться энергія; оживленіе духа воскреситъ въ нихъ дѣятельность умственныхъ способностей и они сами вѣрнѣе и точнѣе изыщутъ средства къ улучшенію своего быта. Поэтому обязательныя повинности (оброкъ или работа, все равно) связывающія свободу крестьянина въ распоряженіи собою, при полученной имъ полной свободѣ, не примѣнимы на дѣлѣ. Несравненно выгоднѣе для крестьянъ будетъ то положеніе, когда получивъ личную свободу, имъ немедленно предоставятъ право вступать въ добровольныя соглашенія съ помѣщиками относительно обработки земли безо всякаго обязательства съ одной стороны—отводить извѣстнаго пространства участки въ пользованіе, а съ другой отправленія за то опредѣленныхъ повинностей. Невозможно ожидать, чтобы отъ этого произошло общее передвиженіе крестьянскаго населенія. Крестьянинъ хотя грубъ и необразованъ, но духовная сторона человѣка развита въ немъ. Онъ привязанъ къ мѣсту своего жительства, дорожитъ землею, на которой работаетъ, да и куда двинутся массы съ семействами, не имѣя недвижимой собственности? Масса населенія не покинетъ своихъ жилищъ и послѣ небольшаго колебанія войдетъ въ колею обыкновенной жизни, но съ обновленными понятіями и съ сильнымъ стремленіемъ къ улучшенію своего быта. Единственное дѣйствительное средство улучшить матеріальный бытъ крестьянъ и прочно привязать ихъ къ мѣстности—есть выкупъ въ собственность земли для того, чтобы потребность къ труду возбудила въ каждомъ крестьянинѣ сознаніе, что трудъ есть единственный источникъ богатства на землѣ».

(*Продолженіе будетъ*).

Анатолій Танковъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Харьковъ. «Южн. Кр.» сообщаетъ слѣдующія подробности о совершенномъ въ Харьковѣ 15 января убійствѣ.

Покойный Гладкихъ вышелъ изъ дому 15 января въ началѣ пятаго часа послѣ обѣда. На Конторскомъ мосту онъ встрѣтилъ поджидавшую его жену Валковскаго крестьянина Дарью Ефимову Котенко, съ которой давно уже состоялъ въ связи. Исторія этой связи, имѣющей въ дѣлѣ главное значеніе, такова: Дарья Котенко до своего замужества жила въ домѣ терпимости; на ней женился крестьянинъ Котенко, служившій прикащикомъ у Гладкихъ, содержавшаго тогда трактиръ «Одесса». Хозяинъ очень скоро сошелся съ прикащицей и продолжалъ свою связь съ нею даже уже послѣ того, какъ закрылъ трактиръ, а Котенко снялъ постоялый дворъ. Котенко подозрѣвалъ Гладкихъ въ связи съ его женой. Въ ночь подъ Крещенье этого года Гладкихъ и Дарья Котенко отправились въ баню; слѣдившій за ними мужъ ворвался въ номеръ и между нимъ и Гладкихъ произошла драка. Котенко послѣ этого случая выгналъ жену изъ дому. Она разсказала обо всемъ Гладкихъ и просила его совѣта и помощи. Дарья Котенко имѣла послѣ этого случай помириться съ мужемъ, который будто-бы простилъ ей вину; но затѣмъ выгналъ ее снова и на этотъ разъ окончательно. Три дня шаталась Дарья Котенко по городу, ночуя у знакомыхъ, голодая и нуждаясь въ пристанищѣ. Наконецъ, ей удалось, чрезъ знакомаго ея и Гладкихъ, добиться свиданія съ послѣднимъ—на Конторскомъ мосту 15 января въ 5 ч. веч. Встрѣтившись, Дарья и Гладкихъ поѣхали на вокзалъ, походили немного тамъ и затѣмъ вернулись въ городъ по Благовѣщенской улицѣ. Дарья все время просила Гладкихъ о помощи объясняя ему свое безвыходное положеніе и считая его виновникомъ постигшей ее бѣды; она просила денегъ, чтобы перебиться нѣкоторое время и съѣздить къ себѣ въ Валки за паспортомъ. Гладкихъ, не давая прямаго отвѣта, пригласилъ ее пойти въ баню Фокина. Тутъ-то и замыслила Котенко убить Гладкихъ изъ револьвера, который у нея находился съ 11 января. Когда они пришли на Конторскій мостъ, въ началѣ восьмаго часа вечера, она выстрѣлила изъ револьвера три раза, т.-е. выпустила всѣ заряды. Когда она выстрѣлила въ Гладкихъ, онъ съ крикомъ бросился отъ нея бѣжать, а она, взявъ ваньку, поѣхала по Конторской, а оттуда на Нетеченскую къ своимъ знакомымъ, затѣмъ была у мужа и разсказала ему, что убила Гладкихъ, но мужъ ее прогналъ. Тогда Дарья поѣхала къ брату мужа, гдѣ ее ночью и арестовалъ околодочный надзиратель Клебекъ. Черезъ нѣкоторое время послѣ ареста Дарья Котенко повинилась въ содѣянномъ ею преступленія, объясняя его раздраженіемъ на Гладкихъ за бездушное отношеніе къ ней.

ИНОСТРАННЫЯ ВѢСТИ.

Англія. На прошлой недѣлѣ предметомъ обсужденія англійской печати служили двѣ рѣчи Джона Морлея въ Ливерпулѣ и рѣчь О'Бріена въ Лидсѣ. Пользуясь этимъ поводомъ, Daily News даетъ интересную характеристику ораторовъ, между которыми газета находитъ нѣкоторое сходство, несмотря на внѣшнее различіе ихъ другъ отъ друга по темпераменту. Въ Морлеѣ, по мнѣнію либеральнаго органа, преобладаетъ разсудочный элементъ, въ О'Бріенѣ—страстный. Хотя изъ этого и не слѣдуетъ, чтобы у Морлея не было много страстности, а у О'Бріена разсудительности, но страстность заложена глубо въ характерѣ Морлея, а у О'Бріена выбрасывается на поверхность его темперамента. Крупная черта сходства выражается въ полной искренности, непоколебимой настойчивости, испытанномъ мужествѣ и глубокой убѣжденности обоихъ. Для того и для другаго политика является долгомъ и вѣрой, а не игрой и развлеченіемъ. Оба они желали бы вѣроятно и можно сказать навѣрно желали бы дѣйствовать скорѣе внѣ поприща политической жизни; и оба они втянуты въ шумную политическую борьбу неугасаемымъ чувствомъ долга. Самопожертвованіе, самозабвеніе составляютъ характерныя черты обоихъ. Морлей способенъ вызвать въ англійскомъ собраніи энтузіазмъ, выдерживающій сравненіе только съ тѣмъ, который вызываетъ Гладстонъ, О'Бріенъ—одинъ изъ кумировъ своихъ соотечественниковъ; но его горячій, страстный, полупоэтическій языкъ можетъ возбудить такое сочувствіе и восхищеніе въ англійской аудиторіи, котораго едвали могъ бы ожидать «отъ практическаго холоднаго саксонца» посторонній наблюдатель. О'Бріенъ явился въ Лидсъ вмѣстѣ съ Канономъ Келлеромъ, главнымъ образомъ съ цѣлью ознакомить англійское общество съ уніонистской политикой въ имѣніи Понсонби, въ Типперари (Ирландія). Эта мѣстность служитъ въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ театромъ ожесточенной борьбы между фермерами и коалиціей лэндлордовъ, организованной ирландскимъ землевладѣльцемъ Смитомъ-Барри. Цѣль этой коалиціи заключается въ томъ, чтобы покупать имѣнія лэндлордовъ, склонныхъ къ уступкамъ, и продолжать борьбу съ фермерами, и первый опытъ примѣненія этой системы сдѣланъ въ имѣніи Понсонби. Въ тотъ моментъ, когда владѣлецъ его, послѣ продолжительныхъ разногласій, началъ соглашаться на выкупъ земли арендаторами, коалиція лэндлордовъ купила имѣніе и приступила къ изгнанію фермеровъ, не платившихъ ренты или не принимавшихъ предложенныхъ имъ условій. По словамъ Беллера, близко знакомаго съ этими событіями, фермеры готовы окончать дѣло миромъ и подчиниться рѣшенію посредниковъ, но лэндлорды рѣшили продолжать борьбу до послѣдней возможности. О'Бріенъ оказался не въ силахъ произнести свою рѣчь. Его здоровье до такой степени расшатано тюремнымъ заключеніемъ, что, прогоривъ нѣсколько минутъ, онъ тутъ же на платформѣ лишился чувствъ. Нѣсколько разъ онъ пытался говорить, но всякій разъ безуспѣшно. Наконецъ слушатели упросили его отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ и устроили ему шумную и восторженную овацію. Говоря о пріемѣ, сдѣланномъ въ Лидсѣ О'Бріену и его спутникамъ Daily News замѣчаетъ: «Многіе англичане спросятъ себя, что слѣдуетъ подумать о правительствѣ, которое не могло сдѣлать съ О'Бріеномъ ничего другаго, какъ сажать и сажать его въ тюрьму. Безсмысленность и преступность этой политической системы была бы во-очію обнаружена тѣмъ, что происходило въ Лидсѣ. Преступникъ Бальфуръ былъ встрѣченъ какъ героемъ, О'Бріену былъ сдѣланъ въ Лидсѣ такой пріемъ, какимъ могъ бы гордиться всякій человѣкъ. Въ одной поэмѣ, написанной много лѣтъ назадъ, итальянскій патріотъ говоритъ королю: «Король, если этотъ человѣкъ существуетъ, скажи намъ, кто твой другъ?» Если О'Бріенъ крамольникъ и преступникъ относительно Англіи, скажите намъ, кто ея другъ?» Эти замѣчанія, характеризующія отношеніе либеральной партіи къ ирландскимъ вождямъ, встрѣтили полное подтвержденіе въ рѣчахъ Морлея. Твердо увѣренный въ близкой побѣдѣ гомруля, ораторъ привелъ примѣръ Адамса, который на 85 году отъ роду занимался пересмотромъ конституціи Массачусетса, и предсказывалъ, что Гладстонъ гораздо раньше этого возраста будетъ занятъ пересмотромъ англійской конституціи. Морлей сравнилъ Гартингтона съ мокрымъ одѣяломъ: когда онъ былъ членомъ либеральной партіи, никто лучше его не исполнялъ роли гасителя энтузіазма. Теперь перейдя на сторону тори, онъ исполняетъ, повидимому, ту же функцію. Онъ можетъ только проводить отрицаніе; его программа заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать. Обѣ рѣчи Морлея были посвящены исключительно ирландскому вопросу, который, по убѣжденію оратора, преграждаетъ путь соціальнымъ реформамъ. Что касается репрессивной политики, то единственнымъ ея результатомъ, замѣтилъ Морлей, служитъ тотъ фактъ, что въ ассоціацію фермеровъ внесено 34,000 ф. ст. для борьбы съ лэндлордами и что въ Ирландіи, по авторитетному свидѣтельству епископа корскаго, образовалось тайное общество.